

Л. Ю. Пономарев

ДВУХКАМЕРНЫЕ ЖИЛИЩА (ДОМА-ПЯТИСТЕНКИ) САЛТОВО-МАЯЦКИХ ПОСЕЛЕНИЙ КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

К вопросам типологии и эволюции салтово-маяцких жилищ Восточного Крыма в конце 60-х – начале 70-х гг. прошлого столетия впервые обратился А. В. Гадло. Всего им было выделено три типа построек, которые, в его представлении, могли отражать не только «процесс поиска наиболее рациональных в условиях степного Крыма форм жилища», а, в какой-то мере, и «процесс социальной дифференциации обитателей поселения»¹. К наиболее раннему типу он отнес полуземлянки с неукрепленными бортами, а к наиболее позднему – наземные постройки с двумя помещениями. При этом, дома-пятистенки А. В. Гадло рассматривал как усложненный вариант квадратных и прямоугольных однокамерных жилищ, знаменующий собой определенный этап в жизни поселений, когда их обитатели полностью перешли к оседлому образу жизни².

К проблеме их происхождения и генезиса с середины 50-х гг. прошлого столетия неоднократно обращался А. Л. Якобсон, согласно которому крымские дома-пятистенки восходят к местной позднеантичной домостроительной традиции³. Этой же точки зрения придерживался М. А. Фронджуло, по мнению которого, жилые дома городища Тепсень «по своей планировке, ориентации и строительным приемам» были очень близки античным жилищам, раскопанным в Ольвии и на городище Илурат⁴. Позднее концепцию А. Л. Якобсона поддерживали и некоторые другие исследователи, однако единодушного признания в научном сообществе она не получила⁵. Так, на примере изучения салтово-маяцких памятников Восточного Крыма, А. В. Гадло совершенно справедливо отметил, что дома-пятистенки представляли собой «генетически конечный, а не начальный этап развития строительной техники», а о «влиянии античной традиции на формирование строительных навыков у населения Южного Приазовья в VIII–IX вв. можно говорить только с большими оговорками», поскольку прямых аналогий «между античным и средневековым строительством в Восточной Таврике, за исключением городов Боспора и Фанагории», обнаружить не удалось⁶.

В классификации салтовских жилищ *С. А. Плетневой* двухкамерные дома объединены в тип II наземных построек и считаются одним из отличительных признаков крымского и приазовского вариантов салтово-маяцкой культуры⁷.

В зависимости от конструктивных особенностей внутри этого типа, исследовательница выделила дома, построенные целиком из камня и дома с глинобитными стенами на каменном цоколе. Первые она сначала считала характерными для таких крупных приморских центров, как Таматарха, Фанагория и Боспор, а затем и для крымского варианта салтово-маяцкой культуры в целом, где ощущалось сильное влияние провинциально-византийской домостроительной традиции⁸. Ближайшие параллели домам-пятистенкам второй группы С. А. Плетнева нашла среди жилищ с пристройкой для молодняка, распространившихся у всех оседающих на землю кочевых народов⁹.

Позднее в дискуссию включился И. А. Баранов, предложивший связать их появление в Таврике с иммигрантами-иконопочтателями из Малой Азии, которые, якобы, и привнесли с собой в VIII в. неизвестный до этого в Северном Причерноморье тип постройки¹⁰. Однако, эта оригинальная, но лишенная доказательной базы гипотеза, едва ли не сразу подверглась критике и не получила дальнейшего развития¹¹.

В последнее время дома-пятистенки, в числе прочих наземных сооружений, возведенных из камня и глины, обычно рассматривают как один из характерных признаков влияния византийской культуры на праболгарское население Крыма. По мнению большинства исследователей, они появились на салтовских поселениях полуострова в IX в., и, спустя короткий промежуток времени, стали одним из ведущих типов жилых построек¹².

На Керченском полуострове дома-пятистенки раскопаны на поселениях Героевка-2, Героевка-3, Героевка-6, Эльтиген-«Памятник», Алексеевка и Осовины-I, а также на городищах Илурат и Мирмекий¹³.

Дом в западной части поселения Героевка-6 (рис. 1, 1, 2). В 1963 г. на раскопе I в западной части поселения А. В. Гадло исследовал двухкамерный дом, ориентированный по длинной оси в направлении ВЮВ–ЗСЗ¹⁴. Отведенный под его постройку участок имел уклон по линии СЗ–ЮВ с перепадом высот до 0,35–0,40 м, но в процессе работ он был сnivelирован. Основания стен западного помещения сохранились практически по всему периметру, в то время как восточное помещение, за исключением небольшого участка южной стены, было разрушено. Тем не менее, остатки пода печи, зачищенные в северо-восточном углу постройки, позволили реконструировать ее внутренние размеры в пределах 7,0 × 4,5 м. Стены дома, шириной 0,65–0,75 м, сохранились на высоту 0,20–0,50 м. Углы сложены в перевязь. Кладка стен двухпанцирная с забутовкой из мелкого камня и суглинка. Нижний их ряд образуют необработанные плиты известняка, уложенные на постель. На уровне второго ряда камни уложены «в елочку»¹⁵. В северо-западном углу на уровне второго ряда установлен хорошо обработанный блок размерами 0,76 × 0,31 × 0,30 м. Вероятно, близкий ему по размерам блок находился в юго-западном углу. Основанием ему служила плита размерами 0,50 × 0,61 × 0,10 м. Стена, разделявшая постройку на два помещения, сохранилась по всей длине на высоту одного ряда камней. Толщина ее варьируется в пределах 0,44–0,76 м. В южной части стены, где были уложены наиболее крупные камни, по мнению А. В. Гадло, находился дверной проем. В процессе раскопок было установлено, что внутреннюю стену возвели

несколько позднее, чем сам дом. Камни ее нижнего ряда уложили на глинобитный пол жилища, перекрыв открытый очаг, располагавшийся примерно в центре помещения. Таким образом, до возведения внутренней стены дом был однокамерным. После реконструкции западное помещение размерами $4,64 \times 2,0$ м, скорее всего, использовалось для хозяйственных нужд, поэтому какие-либо бытовые и отопительные устройства в нем отсутствовали. Восточное помещение размерами $4,55 \times 4,50$ м было жилым, о чем свидетельствуют остатки практически полностью разрушенной печи-каменки, зачищенной в его северо-восточном углу. К западу от печи был пристроен заком размерами $1,40 \times 0,60$ м и высотой 0,40 м, сооруженный из плит известняка, поставленных на ребро. Такими же плитами он был разделен на четыре отсека.

При разборке каменного завала внутри помещений были найдены фрагменты причерноморских амфор с бороздчатым и мелким зональным рифлением, салтово-маяцких горшков, сероглиняной ойнохой, стеклянных рюмок и железный гвоздь. Однако, все эти находки попали в завал уже после того, как дом был покинут. Ко времени гибели постройки относится салтово-маяцкий горшок, найденный в одном из отсеков ларя, но узких хронологических рамок для этой группы керамики пока еще не выделено (рис. 1, 3). Для определения нижней хронологической границы комплекса наиболее показательными являются два обломка белоглиняного сосуда, покрытого бледно-желтой поливой, которые были обнаружены под основанием южной стены дома¹⁶. На основании этой находки А. В. Гадло датировал постройку концом IX – началом X вв.¹⁷ Учитывая общую стратиграфию и хронологию жилых построек, открытых на поселении Героевка-6 в 1991 г., предложенные им хронологические рамки следует расширить до второй половины IX – первой половины X вв.

Дом в восточной части поселения Героевка-6 (рис. 2, 2, 3). В 1991 г. в восточной части поселения В. Н. Зинько частично исследовал двухкамерный дом – СК–III, ориентированный длинной осью по линии север-юг¹⁸. Его размеры ввиду плохой сохранности установить не удалось. Цоколи стен толщиной 0,90–1,10 м сохранились частично и прослежены на уровне нижнего ряда камней, уложенных трехслойной двухпанцирной постелистой кладкой. На полу северного помещения зачищены два открытых очага диаметром 1,40 м и размерами $0,90 \times 0,60$ м.

Обнаруженная при зачистке помещений керамика представлена дном желобчатого пифоса (рис. 2, 5), фрагментами причерноморских бороздчатых амфор (рис. 2, 8), фляги (рис. 2, 4) и салтово-маяцких горшков (рис. 2, 6, 7), время бытования которых приходится на вторую половину VIII – первую половину X вв. Однако, нижняя хронологическая граница комплекса, как и всех остальных построек, открытых в пределах этого горизонта в восточной части поселения, может быть отодвинута ко второй половине IX в.¹⁹

Дом на поселении Героевка-3 (рис. 3, 1, 2). В 1964 г. на раскопе V, заложенном А. В. Гадло в юго-восточной части поселения, был раскопан дом, состоящий из двух помещений и ориентированный длинной осью в направлении СВ–ЮЗ²⁰. Размеры юго-западного помещения I составляли $4,0 \times 2,60$ м, а северо-восточного помещения II – $3,90 \times 4,60$ м. Большая часть кладок дома была разобрана.

Уцелели лишь небольшие участки юго-восточной, северо-западной и северо-восточной стен. Два нижних, сохранившихся ряда камней юго-восточной стены были сложены трехслойной двухпанцирной постелистой кладкой с забутовкой известняковым щебнем. Ширина ее варьировалась в пределах 0,65–0,80 м. Камни второго ряда северо-западной и северо-восточной стен были уложены «в елочку». Помещение I было жилым, на что указывает печь-каменка, размерами 1,15 × 0,75 м, пристроенная к его северо-западному углу. По центру помещения зачищен заглубленный в пол очаг. По мнению А. В. Гадло, он имел культовое назначение, но, ввиду отсутствия приведенных в пользу этого аргументов, его следует атрибутировать как обычное отопительное устройство. Помещение II использовалось в хозяйственных целях. В его юго-западном углу устроили хозяйственную яму, а северную часть вымостили хорошо подогнанными известняковыми плитами.

При зачистке помещений и в печи были найдены обломки причерноморской бороздчатой амфоры, красноглиняный кувшинчик с граффити на тулове (рис. 3, 3), салтовский горшок и бронзовый перстень с четырьмя лапками-зажимами (рис. 3, 4)²¹. Особый интерес представляет красноглиняный бальзамарий(?) со следами зеленой поливы, обнаруженный в каменно-суглинистом завале, заполнившем помещение II. На основании его находки А. В. Гадло обозначил временные рамки функционирования постройки в пределах конца IX – начала X вв.²² Позднее А. В. Сазанов и Ю. М. Могаричев атрибутировали бальзамарий как красноглиняный, покрытый зеленой поливой, горшок, соответствующий «Coarse Glazed Ware» по типологии Дж. Хейса. Поскольку такие сосуды были найдены в Константинополе в комплексах конца VIII – начала IX вв., время прекращения существования дома они отнесли к началу – первой половине IX в.²³ Однако, рисунок бальзамария так и не был опубликован, поэтому рассматривать эту находку в качестве одного из хронологических реперов, на наш взгляд, преждевременно. К сожалению, и весь остальной, обнаруженный в постройке, керамический материал не имеет узких дат, а время бытования перстней с четырьмя лапками-зажимами и вставками из стекла остается предметом дискуссий²⁴.

Дом (СК-7) на поселении Героевка-2 (рис. 4, 1, 2). В 1995 г. в южной части поселения В. Н. Зинько раскопал наземный двухкамерный дом – СК-7²⁵. В плане он имеет прямоугольную форму и ориентирован длинной осью по линии ВСВ–ЗЮЗ. В направлении ССЗ–ЮЮВ длина дома составляла не менее 5,05 м, а в направлении ВСВ–ЗЮЗ не менее 5,10 м. Истинные размеры установить не удалось, поскольку южная и восточная его часть полностью разрушены оврагом и береговой абразией. Каменные цоколи стен шириной 0,50–0,85 м сохранились на высоту до 0,25–0,30 м. Сложены они трехслойной двухпанцирной кладкой с забутовкой из необработанных камней. Примерно по центру западного, меньшего по размеру, помещения зачищена округлая в плане очажная яма.

Керамический комплекс из заполнения постройки представлен причерноморскими бороздчатыми амфорами (рис. 4, 3, 4), высокогорлыми кувшинами с плоской ручкой (рис. 4, 6), флягами (рис. 4, 7), «баклинскими» ойнохойями (рис. 4, 5), шаровидными одноручными сосудами с пальцевым вдавлением на

ручке (рис. 4, 8) и салтово-маяцкими горшками (рис. 4, 9–13). По всей видимости, существование постройки можно отнести ко времени не ранее середины – второй половины IX в.

К северо-западу и юго-западу от СК–7 были раскопаны остатки каменных стен, которыми был огорожен окружавший его двор. В пределах двора, в 10 м к северо-западу от дома располагались пять хозяйственных ям. К югу от него находились еще две ямы и небольшой зольник. И, наконец, к западу от СК–7 были обнаружены еще две, практически полностью разобранные постройки, относящиеся к двум строительным периодам. Более поздняя из них – СК–9 – функционировала одновременно с СК–7 и, вероятно, использовалась в хозяйственных целях. Таким образом, весь жилищно-хозяйственный комплекс можно трактовать как усадьбу с огороженным двором, появление которых на салтовских поселениях Крыма относят к IX в. или второй половине этого же столетия²⁶.

Усадьбы второй половины IX – первой половины X вв. обнаружены в юго-восточном Крыму на городище Тепсень и поселении Кордон-Оба. Как и рассматриваемый нами комплекс, они состояли из жилого дома и хозяйственной постройки, которые либо примыкали друг к другу, либо возводились отдельно²⁷.

На Керченском полуострове к числу усадебных комплексов относят группу отдельно стоящих построек на г. Опук и многокамерный дом на городище Тиритака. Согласно данным разведок В. К. Голенко, на поселении «над источником», расположенном на южном склоне г. Опук, функционировало не менее 25 усадеб²⁸. По мнению исследователя, они состояли из нескольких примыкавших друг к другу построек, а приусадебный участок ограждался стеной. Одна из них – усадьба 1 – объединяла двухкамерное жилище и пристроенную к нему с юго-запада хозяйственную постройку, но полностью комплекс исследован не был²⁹. Обнаруженная в ее заполнении и культурном слое вокруг усадьбы керамика позволила В. К. Голенко и А. В. Джанову датировать усадьбу второй четвертью или серединой IX – 30–40 гг. X вв.³⁰. Другие исследователи предложили ограничить ее хронологические рамки второй половиной (серединой – 60-ми гг.) IX в.³¹

Как усадьбу, И. А. Баранов и А. Л. Якобсон предлагали также рассматривать многокамерную постройку, раскопанную в южной части городища Тиритака³². Однако, вокруг нее не было найдено каких-либо хозяйственных сооружений и каменной изгороди, хотя на последнем этапе функционирования в состав этого комплекса входило пять смежных помещений. Таким образом, Героевка-2 остается пока единственным поселением на Керченском полуострове, на территории которого удалось обнаружить весь, характеризующий усадьбу комплекс взаимосвязанных сооружений: основную и хозяйственную постройки, группы хозяйственных ям и окружавшую двор каменную изгородь.

Дом на поселении Эльтиген-«Памятник» (рис. 5, 1). В 2005 г. на западной окраине пос. Эльтиген Н. Ф. Федосеевым было открыто ранее неизвестное салтово-маяцкое поселение Эльтиген-«Памятник»³³. В процессе охранных раскопок удалось частично исследовать двухкамерный дом, ориентированный длинной осью в направлении СЗ–ЮВ. В пределы раскопа попало только северное помещение I, но и оно, к сожалению, оказалось частично разрушенным во

время строительных работ. Стены, ограничивавшие его с северо-востока и северо-запада, достигали толщиной 0,50 м и были сооружены из необработанных и подтесанных камней трехслойной двухпанцирной кладкой. Наиболее хорошо (на высоту 6 рядов камней) сохранилась северо-западная стена (рис. 5, 2). Кладка трехслойная с забутовкой, сложена из необработанных известняковых камней. Ее нижний и верхний ряды уложены на постель, остальные сложены кладкой «в елочку». Пол помещения заглублен и представляет собой утрамбованный суглинок. В северо-западном углу находилась печь-каменка, сложенная из бута и подтесанных камней³⁴. Топочная камера неоднократно подмазывалась глиной и постепенно приняла овальные очертания. Размеры топки составляют 0,90 × 0,60 м. С юга к печи примыкал прямоугольный в плане ларь, размерами 2,0 × 0,40 м, сложенный из нескольких крупных необработанных камней. К востоку от него, на уровне пола, зачищены две неглубокие очажные ямы размерами 0,40 × 0,50 м и 1,0 × 0,75 м. В плане они имели округлую и овальную форму, в разрезе линзовидную.

В заполнении постройки, на полу и в печи, обнаружен разнообразный материал, в том числе причерноморские амфоры с бороздчатым рифлением (рис. 5, 3–5), высокогорлые кувшины с плоской ручкой, фляги (рис. 5, 6), «баклинские» ойнохойи, шаровидные столовые сосуды с пальцевым вдавлением на ручке, лощеные сосуды и салтово-маяцкая кухонная керамика (рис. 5, 7, 8). Предварительно, последний период функционирования комплекса может быть датирован второй половиной IX – первой половиной X вв.

Дом на городище-крепости Илурат (рис. 6, 1, 2). В 1950 г. на раскопе III близ западного угла крепости В. Ф. Гайдукевичем был открыт двухкамерный дом, частично перекрывший одну из построек II–III вв. н. э.³⁵ В плане он имел прямоугольно-вытянутую форму и ориентирован по длинной оси в направлении ЗЮЗ–ВСВ. Пол по отношению к древней дневной поверхности, судя по всему, был слегка заглублен. Размеры ЗЮЗ помещения (19): 4,10 × 3,75 м, а ВСВ помещения (20): 7,35 × 3,65 м³⁶. Стены сохранились до уровня пятого ряда камней. Нижний ряд северо-западной стены был сложен трехслойной, двухлицевой, постелистой кладкой из крупных, необработанных, но подобранных по размеру, камней. Верхние ее ряды, а в остальных стенах вся кладка целиком, были сложены «в елочку». Помещение 19 было жилым, в пользу чего свидетельствует пристроенная к ЗЮЗ углу печь-каменка, размерами 0,80 × 1,21 м³⁷. Сложена она из поставленных на ребро известняковых плит высотой 0,50 м. В центре топки установлен четырехгранный известняковый столб высотой 0,45 м, поддерживавший перекрытие печи. Устье топки обращено на ВСВ. Помещение 20, судя по размерам и отсутствию отопительных устройств, использовалось в хозяйственных целях. Археологический материал из заполнения помещений и с уровня полов представлен целым экземпляром и обломками салтово-маяцких горшков (рис. 6, 3–6), а также фрагментами причерноморских амфор с мелким зональным рифлением и маслбойки³⁸. К сожалению, рисунок маслбойки не приведен, но, по всей видимости, речь идет о цилиндрических сосудах с петлевидной ручкой, встречающихся на Керченском полуострове в комплексах, датированных не ранее чем второй половиной IX в.³⁹

Дом на поселении Алексеевка (рис. 7, 1, 2). В 1954 г. в южной части холма, на котором расположено поселение, Д. Б. Шеловым был раскопан двухкамерный дом⁴⁰. В плане он имел прямоугольную форму и ориентирован по длинной оси в направлении СВ–ЮЗ. Размеры дома, ввиду плохой сохранности кладок, восстанавливаются частично: юго-западное помещение – $4,30 \times 4,20$ м; северо-восточное помещение – $4,20 \times ?$ м⁴¹. Каменные цоколи стен практически полностью развалились, образовав внутри помещений, а также к юго-западу и юго-востоку от дома, мощные каменные завалы. Сложены они трехслойной двухлицевой кладкой «в елочку», с забутовкой из мелких камней и суглинка. Лицевые камни уложены логом и тычком. Толщина цоколей варьируется в пределах 0,65–0,90 м. В юго-западном, жилом помещении находился очаг, пристроенный к его северо-западному углу. Северо-восточное помещение предназначалось для хозяйственных нужд, о чем свидетельствуют отсутствие отопительных устройств и хозяйственная яма глубиной 0,8 м, зачищенная у юго-восточной стены постройки. Хорошо сохранившийся в юго-западном помещении, глинобитный пол неоднократно ремонтировался. В результате, его толщина на различных участках составила 0,10–0,15 м – 0,25–0,30 м. При разборке субструкции пола были найдены две причерноморские амфоры (рис. 7, 3), высокогорлый кувшин с плоской ручкой (рис. 7, 6), «баклинская» ойнохойя (рис. 7, 5), фрагмент чернолощеного сосуда и салтово-маяцкий горшок (рис. 7, 4)⁴². По мнению Д. Б. Шелова, вся обнаруженная керамика представляла собой одновременный комплекс, сформировавшийся между концом VIII и концом IX вв. Но, приняв во внимание форму высокогорлого кувшина, автор ограничил этот период концом VIII – началом IX вв. С учетом современных представлений о времени появления и бытования высокогорлых кувшинов, нижнюю хронологическую границу керамики из юго-западного помещения следует отодвинуть ко второй половине IX в. К последнему периоду существования дома относятся находки из заполнения помещений, где помимо обломков причерноморских амфор, салтово-маяцких горшков, ойнохой и пифосов, были найдены несколько фрагментов сосудов, покрытых светло-зеленой и цветной поливой.

Дом на городище Мирмекий (рис. 2, 1). В 1960 г. в южной части городища Мирмекий (участок «И», кв. 20-П) В. Ф. Гайдукевичем был частично раскопан двухкамерный дом⁴³. Постройка сохранилась в виде обрывков трех кладок, образующих два помещения, ориентированные по длинной оси в направлении ВСВ–ЗЮЗ. Цоколи внешних стен, толщиной до 0,70 м, сохранились на высоту 0,10–0,60 м. Сложены они трехслойной двухпанцирной кладкой, из необработанных камней, уложенных «в елочку». Северо-восточный угол дома образуют уложенные не в перевязь крупные подтесанные прямоугольные камни и плиты. Внутренняя стена уцелела на высоту одного ряда камней, сложенных трехслойной двухлицевой постелистой кладкой. Наиболее хорошо сохранилось ВСВ помещение (XLVII). Его размеры в направлении ВСВ–ЗЮЗ составляют около 3,50 м, а в направлении ССЗ–ЮЮВ не менее 3,0 м. Стены, образующие ЗЮЗ помещение, разобраны полностью. При расчистке пола были обнаружены фрагменты причерноморских амфор с мелким зональным рифлением, высокогорлых кувшинов с плоской ручкой и салтово-маяцких горшков. Их находки

позволяют датировать последний период существования постройки не ранее второй половины IX в.

Дом (СК-А) на поселении Осовины-I (рис. 8, 1). Среди домов-пятистенок особый интерес представляет жилище, устроенное в позднеантичной двухкамерной постройке, раскопанной в 1992–1993 гг. В. Н. Зинько на поселении Осовины-I⁴⁴. Изначально оно представляло собой прямоугольный, вытянутый в направлении СЗ–ЮВ, дом, размерами 9,60 × 4,10–4,60 м. После реконструкции прежняя планировка дома была полностью сохранена, но перегородка, разделяющая его на два помещения, была усилена одним рядом камней, уложенных «в елочку» (рис. 8, 2). Северо-западное помещение, размерами 5,0 × 3,0 м, предназначалось для хозяйственных нужд, о чем свидетельствуют остатки двух заглубленных в пол пифосов. Юго-восточное помещение, размерами 2,80 × 3,20 м, было жилым и отапливалось открытым очагом. Этот единственный в своем роде строительный комплекс позволяет проследить еще один механизм, при помощи которого салтовское население Керченского полуострова осваивало принципиально новый для них тип жилища, приспособлявая под них полуразрушенные, но подлежащие восстановлению позднеантичные постройки⁴⁵.

В заполнении обоих помещений были найдены фрагменты пифосов, причерноморских амфор (рис. 8, 3), «баклинских» ойнохой, салтово-маяцких горшков, и, что особенно важно, два фрагмента белоглиняных тарелок, покрытых желтой поливой⁴⁶. Из золистого слоя, соответствующего времени функционирования постройки, происходят фрагменты причерноморских амфор с бороздчатым и мелким зональным рифлением (рис. 8, 4–12, 14–20), высокогорлых кувшинов с плоской ручкой (рис. 8, 13), обломки котлов с внутренними ручками-ушками (рис. 8, 22, 23), салтово-маяцких горшков (рис. 8, 24–30) и фрагментированная фляга (рис. 8, 21)⁴⁷. Указанные находки датируют постройку второй половиной IX – первой половиной X вв.

Приведенный выше краткий обзор, открытых на Керченском полуострове домов-пятистенок, позволяет выделить присущие для них общие и индивидуальные черты. В плане двухкамерные постройки имели прямоугольно-вытянутую форму и обычно были ориентированы в направлении СВ–ЮЗ, СЗ–ЮВ, в редких случаях в направлении север–юг. В тех случаях, когда это удалось проследить, все они были заглублены в грунт от 0,10 до 0,20 м. Размеры помещений варьируются в пределах от 4,0 × 2,60 м – 3,90 × 4,60 м до 5,0 × 3,0 м – 2,80 × 3,20 м. Одно из помещений было жилым, другое хозяйственным. В жилой части дома, обычно, меньших размеров, сооружали печь-каменку, которую пристраивали к северо-восточному, северо-западному или юго-западному углу. Иногда ее заменял открытый очаг, а в некоторых случаях они функционировали вместе. В хозяйственных помещениях отопительные устройства, как правило, отсутствовали, но, в тех случаях, когда в зимний период в них размещали молодняк, их обогревали временным очагом. Здесь же могли находиться ямы и пифосы для хранения зерна. В жилом помещении такие же функции выполнял «ларь» – загром, представлявший собой, пристроенный к стене каменный ящик, сооруженный из поставленных на ребро плит известняка. Цоколи стен жилищ, толщиной 0,40–1,10 м, возводили без фундамента, зачастую не в перевязь, из

необработанного камня на суглинистом растворе. Кладка цоколей трехслойная, двухпанцирная, постелистая, иррегулярная или «в елочку». В забутовке использовали разномерный камень, щебень, керамику и глинистые материалы. Углы построек иногда выкладывали крупными, обработанными камнями или плитами. При возведении верхних участков стен, по всей видимости, использовался саманный кирпич. Крыши перекрывали подручным, природным материалом — глиной, соломой, ветками или камышом, но, камки, вопреки ожиданию, даже на приморских поселениях, среди развалов построек, пока не обнаружено. Редкие находки небольших фрагментов оконного стекла на поселениях Героевка-6 и Эльтиген Юго-западное позволяют утверждать, что в некоторых домах-пятистенках, а, возможно, и в однокамерных постройках, были застекленные окна.

Такие же в планировке и близкие по размерам жилища известны по раскопкам городищ и поселений в Юго-Восточном, Юго-Западном, Северо-Западном Крыму и на Таманском полуострове⁴⁸. В большинстве своем их можно датировать не ранее чем IX в. К этому же времени относятся и дома-пятистенки салтово-маяцких поселений Керченского полуострова. Однако, определить их нижнюю границу в узких хронологических рамках едва ли возможно, поскольку обнаруженный в заполнении помещений археологический материал, в подавляющем большинстве относится к заключительному этапу функционирования построек, т. е. не ранее чем ко второй половине IX в.⁴⁹ Можно лишь предположить, что наиболее ранние из них были возведены уже в первой половине IX в., а наиболее поздние, как собственно и поселения, были покинуты в первой половине X в.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

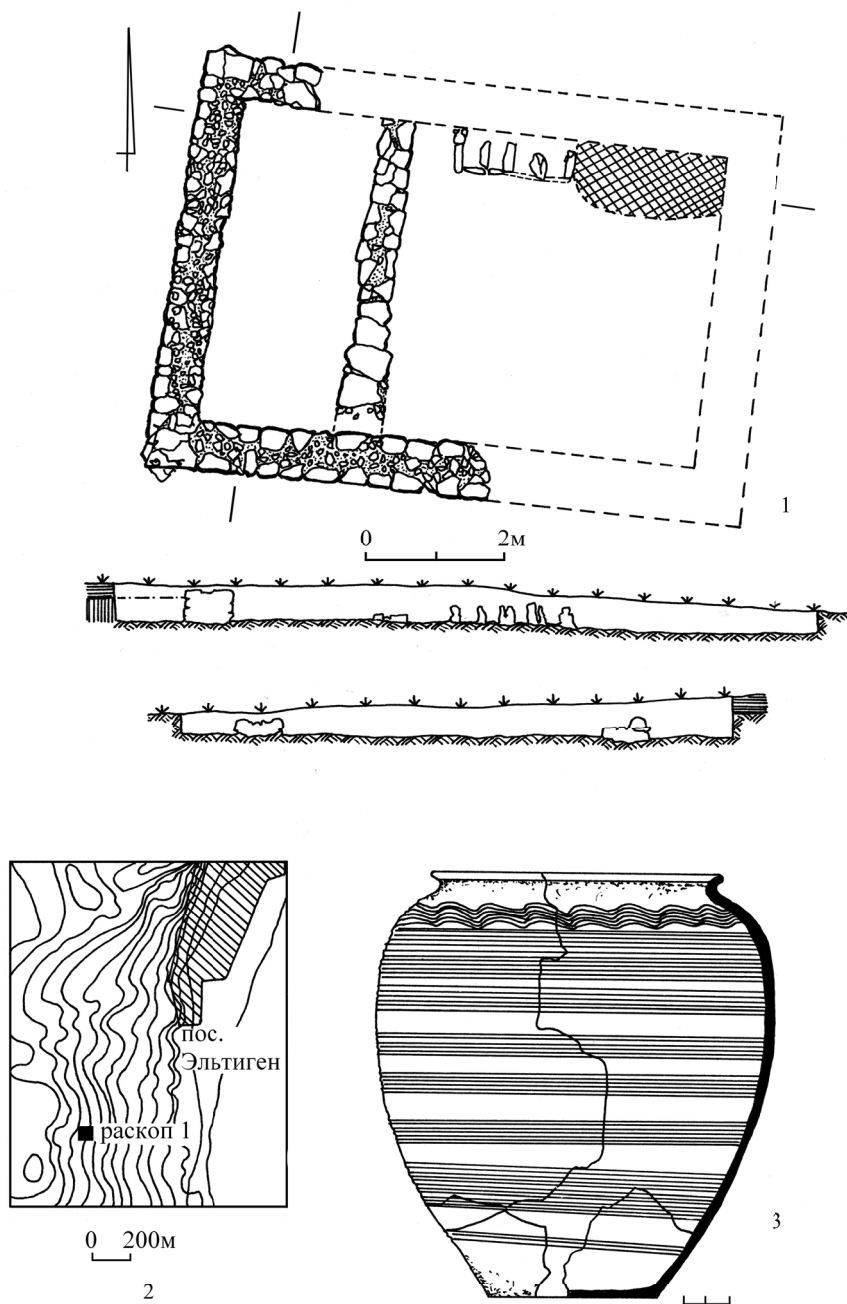

Рис. 1. Дом в западной части поселения Героевка-6.

1 – План и разрезы дома; 2 – Карта-схема с указанием местоположения раскопа I 1963 г.;
3 – Горшок из заполнения дома.

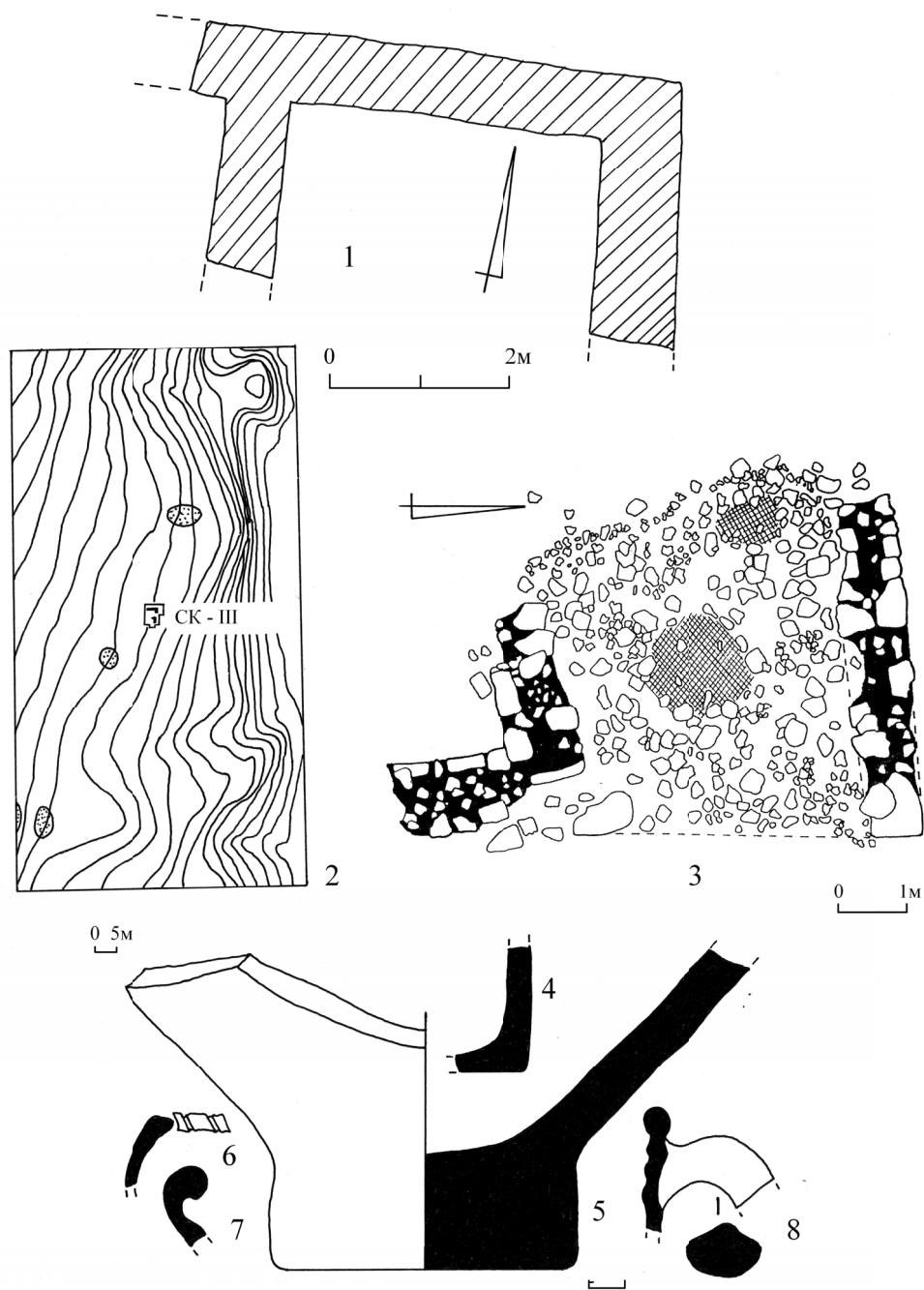

Рис. 2. 1 – Дом на городище Мирмекий; 2 – Карта-схема поселения Героевка-6 с указанием местоположения СК-III; 3 – План СК-III; 4 – Керамика из заполнения СК-III.

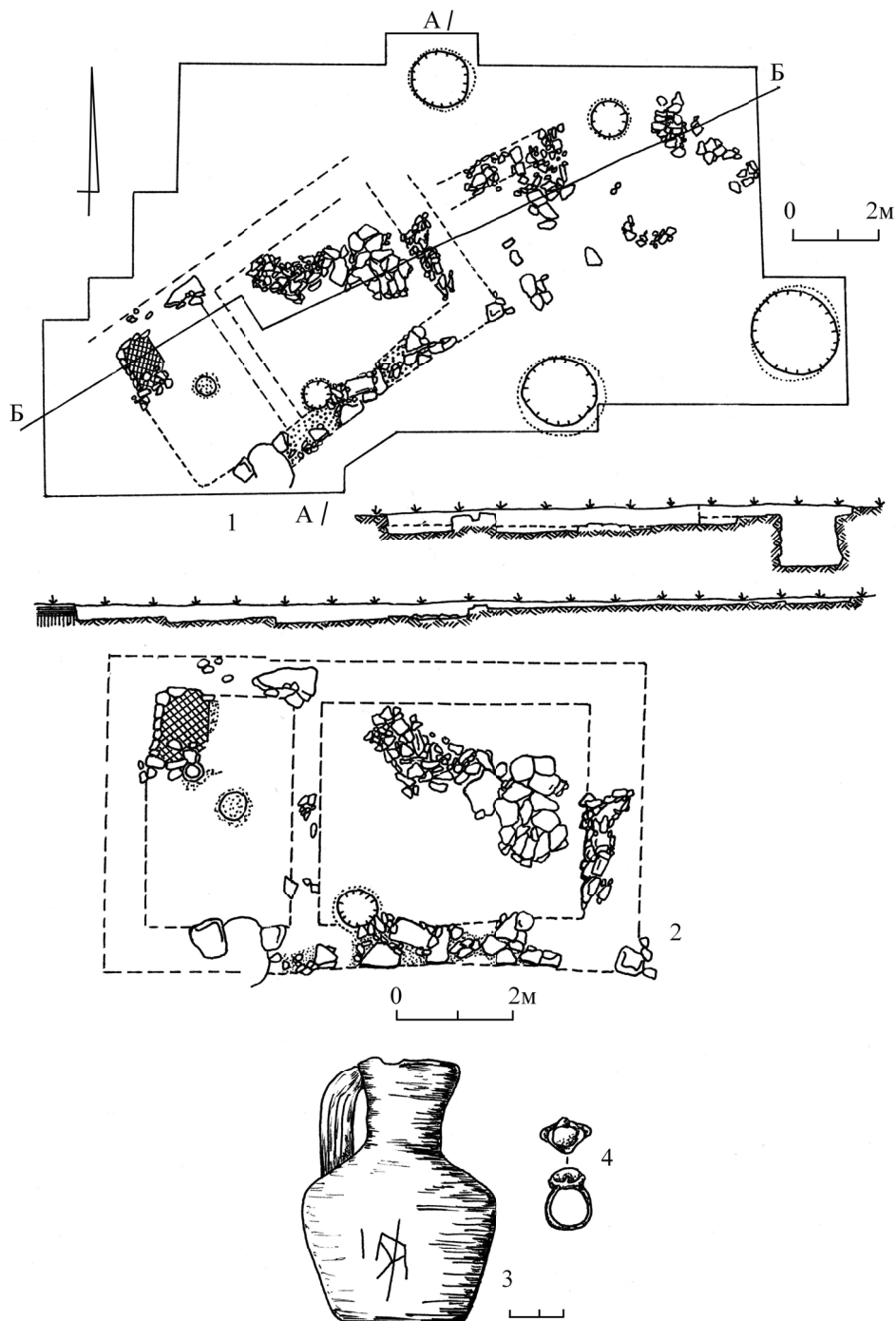

Рис. 3. Дом на поселении Героевка-3.

1 – Раскоп V 1964 г. План и разрезы; 2 – План дома; 3–4 – Находки из заполнения дома.

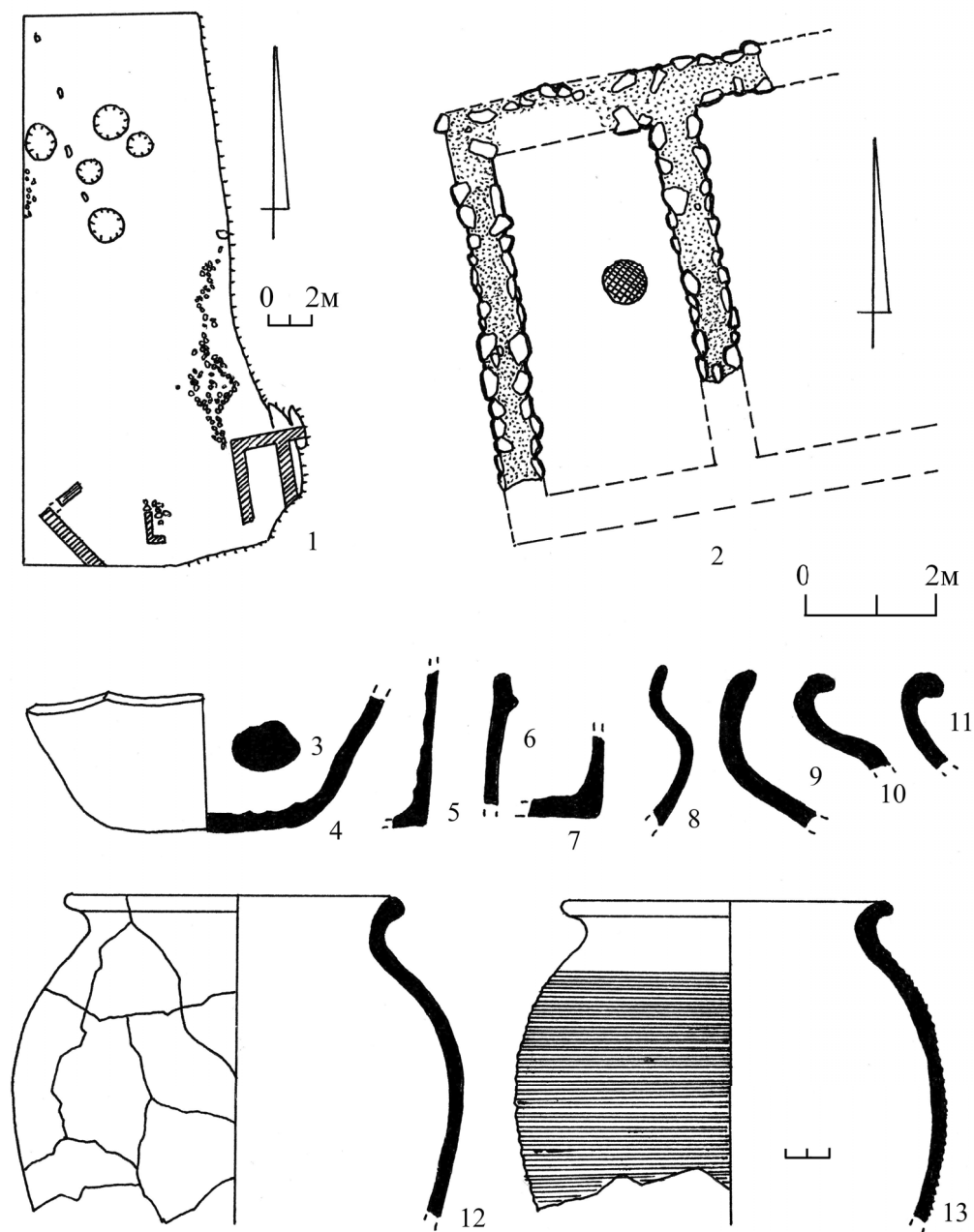

Рис. 4. Дом (усадьба) на поселении Героевка-2.
 1 – План северной части усадьбы; 2 – План дома;
 3–12 – Керамика из заполнения дома.

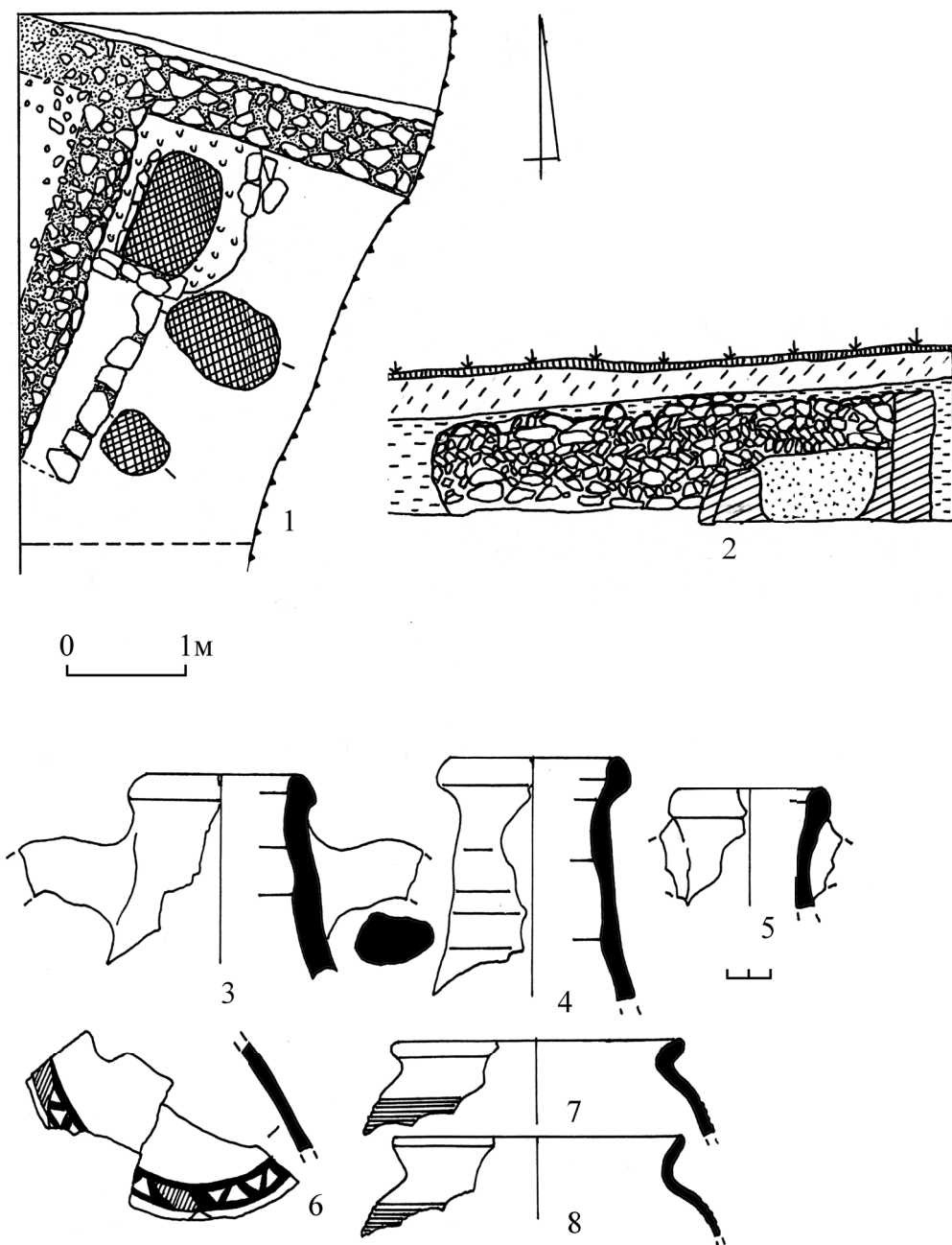

Рис. 5. Дом на поселении Эльтиген-«Памятник».
1 – План дома; 2 – Юго-восточный фас северо-западной стены помещения I;
3–8 – Керамика из заполнения дома.

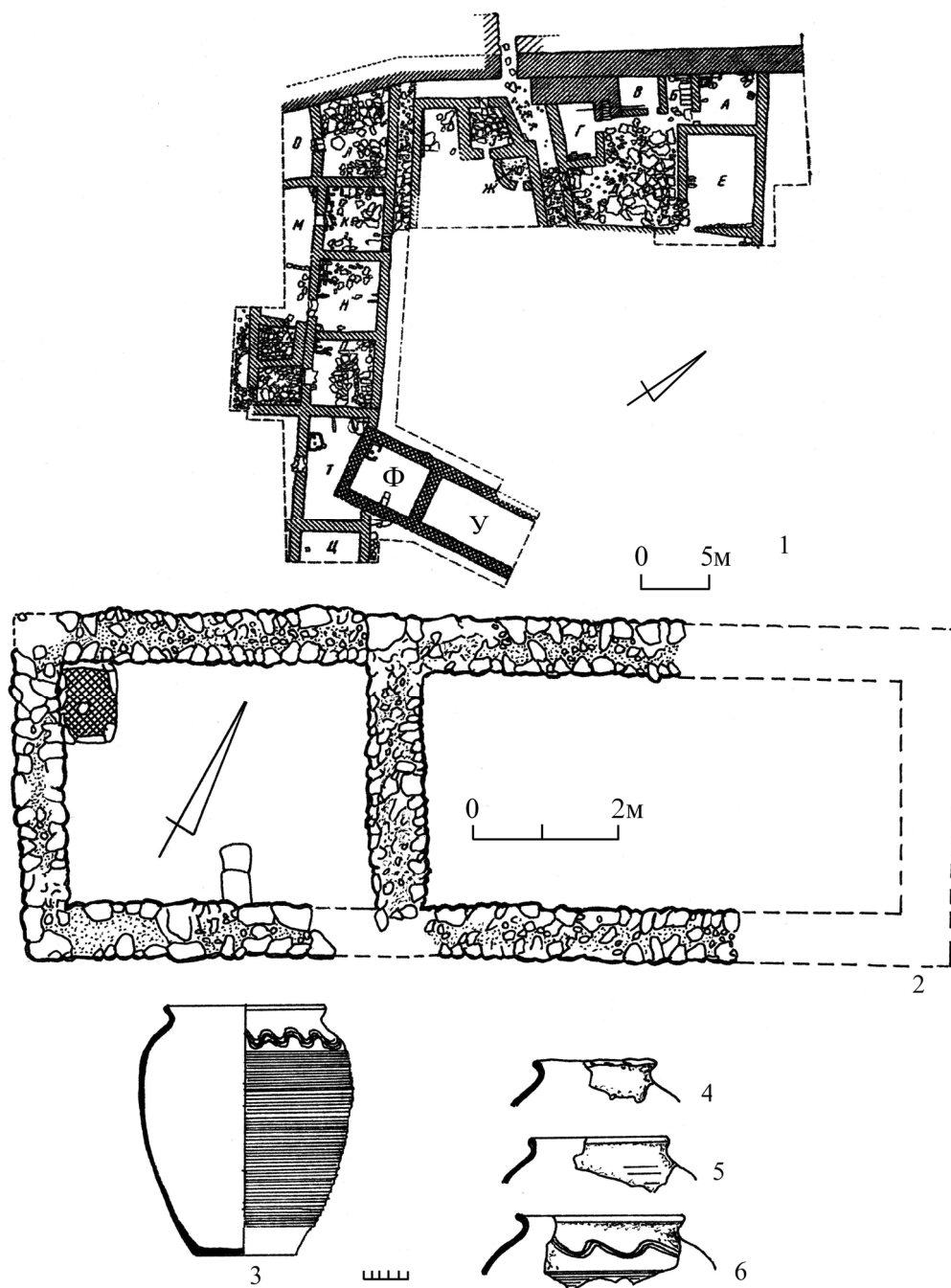

Рис. 6. Дом на городище Илурат.
 1 – План раскопа III; 2 – План дома;
 3–6 – Салтово-маяцкие горшки из заполнения дома.

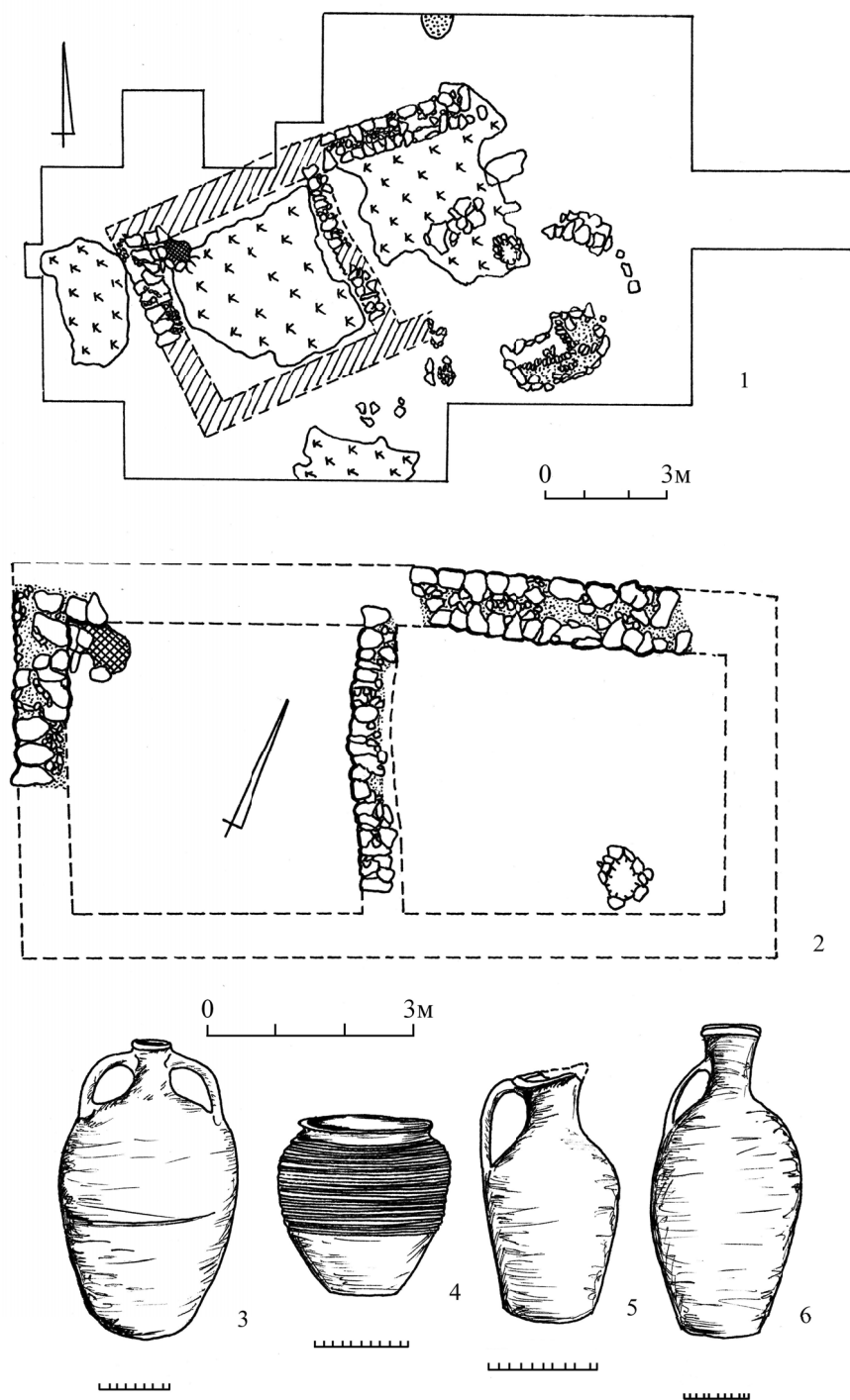

Рис. 7. Дом на поселении Алексеевка.
1 – План раскопа 1954 г.; 2 – План дома; 3 – Керамика из субструкции пола.

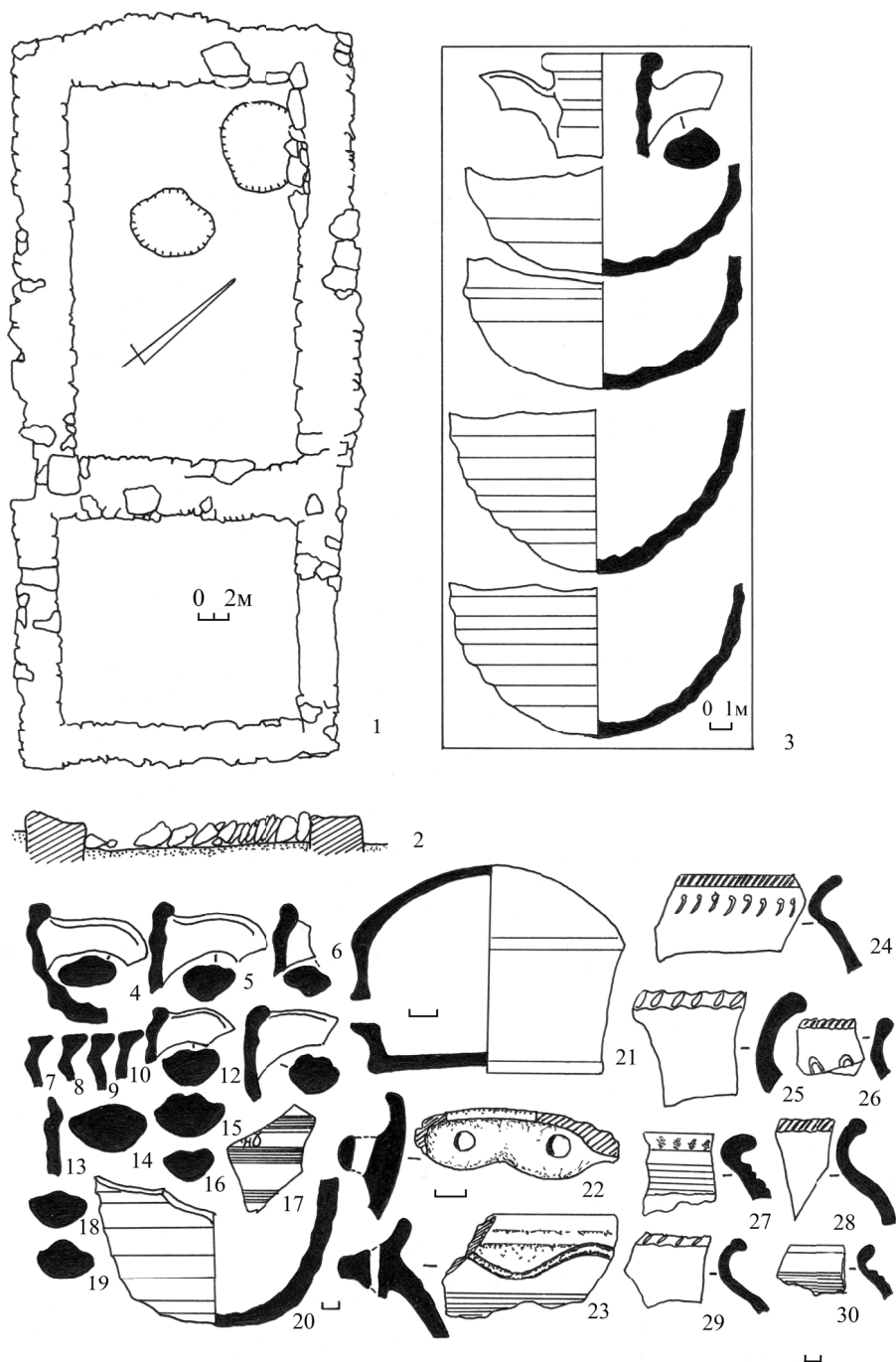

Рис. 8. Дом на поселении Осовины-I.

1 – План дома; 2 – Юго-восточный фас стены, разделяющей дом на два помещения;
3 – Амфоры из заполнения дома; 4–30 – Керамика из золистого слоя
поселения Осовины-I.

- ¹ Гадло А. В. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки в 1964 г. // СА. – 1969. – № 1. – С. 167.
- ² Гадло А. В. Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и предгорий VIII–X веков) // Этнография народов СССР. – Л., 1971. – С. 65–74; Гадло А. В. Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII–X вв. // Вестник Ленинградского университета. – 1968. – № 14. – Вып. 3. – июль. – С. 63; Гадло А. В. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки в 1964 г. – С. 167; Гадло А. В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. – СПб., 2004. – С. 86.
- ³ Якобсон А. Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА. – 1954. – Т. 21. – С. 156; Якобсон А. Л. Раннередневековые поселения Восточного Крыма // МИА. – М.; Л., 1958. – № 85. – С. 487; Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики // МИА. – М.; Л., 1970. – № 168. – С. 119; Якобсон А. Л. Рец. на: [Археологические исследования средневекового Крыма. Сборник подготовлен Институтом археологии АН УССР. «Наукова думка», Киев, 1968, 212 стр.] // СА. – 1971. – № 3. – С. 304; Якобсон А. Л. Крым в средние века. – М., 1973. – С. 41; Якобсон А. Л. Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики // АДСВ. – Свердловск, 1973. – Вып. 10. – С. 132–133.
- ⁴ Фронджуло М. А. Раскопки средневекового поселения на окраине с. Планерское 1957–1959 гг. // Археологические исследования средневекового Крыма. – К., 1968. – С. 120–121. – Рис. 24.
- ⁵ Романчук А. И., Омелькова Л. А. Средневековое поселение на левом берегу реки Бельбек // Социальное развитие Византии. – АДСВ. – Свердловск, 1979. – Вып. 16. – С. 97.
- ⁶ Гадло А. В. Рец. на: [Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики – МИА, № 168, 1970] // ВВ. – 1973. – Т. 34. – С. 272.
- ⁷ Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. – М.; Л., 1967. – № 142. – С. 63; Плетнева С. А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска – Преслав. Прабългарската култура. Материали от българо-съветската среща, Шумен, 1976. – София, 1981. – Т. 2. – С. 13.
- ⁸ Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 63, 65; Плетнева С. А. Хазары. – М., 1976. – С. 76; Плетнева С. А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. – М., 1981. – С. 69.
- ⁹ Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 63.
- ¹⁰ Баранов И. А. Ранние болгары в Крыму. Локальный вариант салтово-маяцкой культуры. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – К., 1977. – С. 8; Баранов И. А. Некоторые итоги изучения тюрко-болгарских памятников Крыма // Плиска-Преслав. – София, 1981. – Т. 2. – С. 66, 69; Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). – К., 1990. – С. 52.
- ¹¹ Якобсон А. Л. Рец. на: [Феодалная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев, 1974, 216 с.] // ВВ. – 1977. – Т. 38. – С. 203–204; Романчук А. И., Омелькова Л. А. Средневековое поселение на левом берегу реки Бельбек. – С. 97.
- ¹² Баранов И. А. Памятники раннесредневекового Крыма // Археология Украинской ССР. – К., 1986. – Т. 3. – С. 247; Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). – С. 50, 52; Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – С. 202; Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века): Учебное пособие. – Воронеж, 2003. – С. 92; Айбабин А. И. Памятники крымского варианта салтово-маяцкой культуры в Восточном Крыму и степи // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века. – М., 2003. – С. 58; Майко В. В. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. – К., 2004. – С. 276; Красильников К. И. Степной Крым и степное Подонцовье в хазарское время // Историко-культурное наследие Причерноморья: изучение и использование в образовании и туризме. Материалы Всеукраинской научно-практической конференции 30–31 марта 2006 г. – Ялта, 2009. – С. 35; Герцен А. Г., Иванова О. С., Науменко В. Е. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): III горизонт застройки (середина IX – начало X вв.) // МАИЭТ. – Симферополь, 2010. – Вып. 16. – С. 268; Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова второй половины VIII – первой половины X вв. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М., 2008. – Т. 2. – С. 268–269.

¹³ *Гадло А. В.* Отчет о работах Приазовской археологической экспедиции Ленинградского университета в 1963 году (Раскопки раннесредневекового поселения у д. Героевки на берегу Керченского пролива). – Л., 1964 // НА ИА НАНУ. – № 1963/32. – С. 7–11; *Гадло А. В.* Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива (по материалам раскопок 1963 г.) // КСИА. – М., 1968. – Вып. 113. – С. 79; *Гадло А. В.* Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и предгорий VIII–X веков). – С. 73. – Рис. 1, Е; *Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю.* Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове // Древности Юга России. Памяти А. Г. Атавина. – М., 2008. – С. 428. – Рис. 2; 8, 1; *Гадло А. В.* Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки в 1964 г. – С. 165. – Рис. 5; *Зинько В. Н.* Охранные археологические исследования на хоре Нимфея // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. – Симферополь, 1997. – С. 122–123. – Рис. 71; *Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю.* Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-2 у поселка Эльтиген // БИ. – Симферополь; Керчь, 2005. – Вып. 10. – С. 241. – Рис. 11; *Федосеев Н. Ф., Пономарев Л. Ю.* Салтово-маяцкое поселение «Эльтиген-Памятник» на берегу Керченского пролива // Научный сборник Керченского заповедника. – Керчь, 2011. – Вып. 3. – С. 305, Рис. 7; 8; *Гайдукевич В. Ф.* Илурат (Итоги археологических исследований 1948–1953 гг.) // МИА. – М.; Л., 1958. – № 85. – С. 134, Рис. 147; *Шелов Д. Б.* Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму // КСИИМК. – М., 1957. – Вып. 68. – С. 98, Рис. 38; *Гайдукевич В. Ф.* Античные города Боспора. Мирмекий. – Л., 1987. – С. 148. – Рис. 2; *Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю.* Салтово-маяцкие комплексы поселения Осовины-I // МАИЭТ. – Симферополь, 2007. – Вып. 13. – С. 190–191; Рис. 7.

¹⁴ *Гадло А. В.* Отчет о работах Приазовской археологической экспедиции Ленинградского университета в 1963 году. – С. 7–11; *Гадло А. В.* Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива (по материалам раскопок 1963 г.). – С. 79; *Гадло А. В.* Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и предгорий VIII–X веков). – С. 73, Рис. 1, Е; *Гадло А. В.* Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. – С. 86; *Пономарев Л. Ю.* О разведках и раскопках А. В. Гадло на салтово-маяцких поселениях Героевка-6 и Эльтиген Юго-западное (Керченский полуостров) // Древности Восточной Европы. Сборник научных трудов к 90-летию Б. А. Шрамко. – Харьков, 2011. – С. 228–230. – Рис. 2, 1; *Пономарев Л. Ю.* Жилища салтово-маяцких поселений в окрестностях поселка Эльтиген (Керченский полуостров) // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. – Донецк, 2012. – Т. 9. – Рис. 8, 1, 2.

¹⁵ Дискуссия о происхождении и времени появления кладки «в елочку» (*opus spicatum*) давно уже вышла за рамки частной проблемы и далека от завершения: *Сорочан С. Б.* Об *opus spicatum* и населении раннесредневековой Таврики // Хазарский альманах. – К.; Харьков, 2004. – Т. 3. – С. 117–156; *Сорочан С. Б.* Об *opus spicatum* как культурообразующем признаке // Болгарский ежегодник. – К., 2004. – Вып. 5. – С. 49–62; *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. – Харьков, 2005. – Ч. 1 – С. 396–412, 450; *Майко В. В.* Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. – С. 56; *Кузнецов В. Д., Голофаст Л. А.* Дома хазарского времени в Фанагории // ПИФК. – М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2010. – № 1 (27). – С. 424, прим. 20; *Чхаидзе В. Н.* Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. – М., 2008. – С. 114–118; *Герцен А. Г., Иванова О. С., Науменко В. Е.* Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп). – С. 268, прим. 20.

На наш взгляд, причины, благодаря которым она получила такое широкое распространение в Крыму и на Кавказе, возможно, следует искать не только в традициях и «моде», но и в плоскости сейсмоопасности этих районов, а также способности самой кладки к активной сейсмозащите; *Баширов А. С.* Антисейсмизм древней архитектуры. IV. Юг СССР. Из истории конструкций. 1. Ольвия. 2. Боспорское царство. 3. Херсонес. – Калинин, 1948. – С. 373; *Фрумкина М. А.* К вопросу о сейсмозащите древних сооружений // РА. – 1992. – № 3. – С. 60–66; *Липатов А. А.* Византийские традиции в строительном производстве Древней Руси: строительные растворы, стены, фундаменты. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – СПб., 2006. – С. 18; *Габиев Д.-М. С.* Эволюция лакского жилища (XVIII–XX вв.) // Кавказский этнографический сборник. – М., 1969. – Вып. 4. – С. 209–210, 213.

¹⁶ На салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова белоглиняная и краснотерракотовая поливная посуда византийского производства встречается очень редко, к тому же в виде мел-

ких, обычно, непрофильных фрагментов. Она найдена в культурных напластованиях и строительных комплексах поселений Героевка-3, Героевка-6, Алексеевка и Осовины-I; *Гадло А. В.* Отчет о работах Приазовской археологической экспедиции Ленинградского университета в 1963 году. – Прилож. I, № 1, 14, 39; *Гадло А. В.* Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки в 1964 г. – С. 167; *Шелов Д. Б.* Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму. – С. 100; *Зинько В. Н.* Хора боспорского города Нимфея / БИ. – Симферополь-Керчь, 2003. – Вып. 4. – С. 204; *Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю.* Салтово-маяцкие комплексы поселения Осовины-I. – С. 191.

Общий обзор поливной керамики из раскопок А. В. Гадло на поселениях Героевка-3 и Героевка-6 приведен в монографии Т. И. Макаровой. Исследовательница отнесла ее ко второй половине IX–X вв.; *Макарова Т. И.* Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси // САИ. – М., 1967. – Вып. Е1-38. – С. 10.

Однако, следует заметить, что ни один из найденных к настоящему времени на Керченском полуострове фрагментов поливной посуды надежно не атрибутирован и графически не опубликован. Поэтому, как полноценный археологический источник, использовать их нельзя.

¹⁷ *Гадло А. В.* Отчет о работах Приазовской археологической экспедиции Ленинградского университета в 1963 году. – С. 11.

¹⁸ *Scholl T., Zin'ko V.* Archaeological Map of Nymphaion (Crimea). – Warszawa, 1999. – Fig. 60; *Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю.* Новые памятники салтово-маяцкого типа в окрестностях Керчи // МАИЭТ. – Симферополь, 2000. – Вып. 7. – С. 188, Рис. 5, 1, 3; *Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю.* Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове. – С. 428, Рис. 2; 8, 1.

¹⁹ *Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю.* Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове. – С. 428.

²⁰ *Гадло А. В.* Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки в 1964 г. – С. 165, Рис. 5; *Гадло А. В.* Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и предгорий VIII–X веков). – Рис. 1, Е; *Гадло А. В.* Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. – С. 85–86; *Плетнева С. А.* Очерки хазарской археологии. – М.; Иерусалим, 2000. – Рис. 106.

²¹ *Гадло А. В.* Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки в 1964 г. – Рис. 6.

²² *Гадло А. В.* Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки в 1964 г. – С. 167; *Гадло А. В.* Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. – С. 86.

²³ *Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К.* Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». – Симферополь, 2007. – С. 116–117.

²⁴ *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. II. // СА. – 1971. – № 3. – С. 30; *Айбабин А. И.* Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. – Симферополь, 1993. – Вып. 3. – Рис. 2; *Красильников К. И., Красильникова Л. И.* Могильник у села Лысоговка – новый источник по этноистории степей Подонцовья раннего средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2005. – Т. 4. Хазарское время. – С. 212; *Майко В. В.* Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. – С. 124.

²⁵ *Зинько В. Н.* Охранные археологические исследования на хоре Нимфея // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. – Симферополь, 1997. – С. 122–123, Рис. 71; *Зинько В. Н.* Новые раннесредневековые памятники Восточного Крыма // Международная конференция «Византия и Крым». Севастополь, 6–11 июля 1997 г. Симферополь, 1997. – С. 40–41; *Scholl T., Zin'ko V.* Archaeological Map of Nymphaion (Crimea). – Fig. 49; *Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю.* Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-2 у поселка Эльтиген. – С. 241, Рис. 11.

²⁶ *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). – С. 50, 52; *Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. – С. 202.

²⁷ *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). – С. 52–53, Рис. 17; *Бабенчиков В. П.* Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень // История и археология средневекового Крыма. – М., 1958. – С. 96–99, Рис. 2; *Фронджуло М. А.* Раскопки средневекового поселения на окраине с. Планерское 1957–1959 гг. – С. 106–107, Рис. 6; *Майко В. В.* Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. – С. 59–60, 67–71, 95–98, Рис. 20; 44; 48.

²⁸ *Голенко В. К.* Древний Киммерик и его округа. – Симферополь, 2007. – С. 236, Рис. 103.

- ²⁹ Голенко В. К., Джанов А. В. Раннесредневековое поселение на южном склоне горы Опук // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси – Украины. Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 77–78; Голенко В. К. Древний Киммерик и его округа. – С. 237–241, Рис. 105, 106.
- ³⁰ Голенко В. К., Джанов А. В. Раннесредневековое поселение на южном склоне горы Опук. – С. 77–78; Голенко В. К. Древний Киммерик и его округа. – С. 239–240.
- ³¹ Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». – С. 154; Сазанов А. В., Могаричев Ю. М. К вопросу о времени прекращения хазарского присутствия в Крыму // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 2008. – Вып. 21. – С. 583–584.
- ³² Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. – М.; Л., 1952. – № 25. – С. 49–51, Рис. 48; Якобсон А. Л. Раннередневековые поселения Восточного Крыма. – С. 471; Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). – С. 52, Рис. 16, 1.
- ³³ Федосеев Н. Ф., Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкое поселение «Эльтиген-Памятник» на берегу Керченского пролива. – С. 302–330, Рис. 7; 8.
- ³⁴ Федосеев Н. Ф., Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкое поселение «Эльтиген-Памятник» на берегу Керченского пролива. – Рис. 17.
- ³⁵ Гайдукевич В. Ф. Раскопки Илурата, Тиритаки, Мирмекия // КСИИМК. – М., 1952. – Вып. 45. – С. 108–110, Рис. 45; 47; Гайдукевич В. Ф. Илурат (Итоги археологических исследований 1948–1953 гг.). – С. 134–137, Рис. 147; Гайдукевич В. Ф. Илурат (раскопки 1954–1960 гг.) // Боспорские города (Уступчатые склепы, Эллинистическая усадьба, Илурат). – Л., 1981. – С. 87, 108, Рис. 1; 5; Якобсон А. Л. Раннередневековые поселения Восточного Крыма. – С. 476–477; Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. – М.; Л., 1964. – С. 38.
- ³⁶ На плане, опубликованном в 1952 г., помещения 19 и 20 обозначены буквами Ф и У; Гайдукевич В. Ф. Раскопки Илурата, Тиритаки, Мирмекия. – Рис. 45.
- Размеры помещений приведены из публикации В. Ф. Гайдукевича, в то время как в работах А. Л. Якобсона указаны иные цифры: $4,8 \times 3,7$ м – $7,5 \times 3,7$ м; Гайдукевич В. Ф. Илурат (Итоги археологических исследований 1948–1953 гг.). – С. 134; Якобсон А. Л. Средневековые сельские поселения юго-западного Крыма // ВВ. – 1962. – Т. 21. – С. 175, прим. 24; Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. – С. 38.
- ³⁷ Гайдукевич В. Ф. Раскопки Илурата, Тиритаки, Мирмекия. – Рис. 47, 2; Гайдукевич В. Ф. Илурат (Итоги археологических исследований 1948–1953 гг.). – Рис. 148.
- ³⁸ Гайдукевич В. Ф. Раскопки Илурата, Тиритаки, Мирмекия. – Рис. 44, 2; Гайдукевич В. Ф. Илурат (Итоги археологических исследований 1948–1953 гг.). – Рис. 149; Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). – Рис. 32, 9; Якобсон А. Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. – С. 477.
- ³⁹ Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское // БИ. – Симферополь, 2001. – Вып. I. – Рис. 4, 4; Пономарев Л. Ю., Пономарева И. А. Редкие формы салтово-маяцкой нелощеной керамики из раннесредневековых поселений Керченского полуострова (предварительная информация) // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2010. – Вып. 4. – С. 461.
- ⁴⁰ Шелов Д. Б. Отчет о раскопках средневекового поселения у с. Алексеевка в 1954 году // НА КРУ «КИКЗ». – Оп. № 2. – Ед. хр. № 344. – С. 2–7; Шелов Д. Б. Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму. – С. 98–103. Рис. 38; Якобсон А. Л. Раннередневековые поселения Восточного Крыма. – С. 477; Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – Рис. 14, 3.
- ⁴¹ Один из вариантов его реконструкции предусматривает одинаковую длину для обоих помещений; Шелов Д. Б. Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму. – С. 98; Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – Рис. 14, 3.
- ⁴² Шелов Д. Б. Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму. – Рис. 39, 1–4.
- ⁴³ Гайдукевич В. Ф. Античные города Боспора. Мирмекий. – С. 148, Рис. 2; 170, 1, 2.
- ⁴⁴ Зинько В. Н. Охранные археологические исследования в г. Керчи // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. – Симферополь, 1994. – С. 128; Зинько В. Н. Новые раннесредневековые памятники Восточного Крыма. – С. 40; Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкие комплексы поселения Осовины-I. – С. 190–192, Рис. 7.

⁴⁵ В общих чертах этот процесс рассмотрен в одной из ранних публикаций А. В. Гадло – «...поселенцы VIII–X вв. застали в Восточном Крыму хорошо сохранившиеся остатки древних городов, которые они частично приспособивали для себя. Свои жилища они буквально встраивают в античные руины, однако, при этом применяя приемы кладки, не свойственные античности – кладки «в елку» без фундамента»; *Гадло А. В.* О культуре городища на плато Тепсень близ с. Планерское // Археологический сборник. Труды VIII Всесоюзной студенческой конференции. – Л., 1964. – С. 101.

⁴⁶ *Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю.* Салтово-маяцкие комплексы поселения Осовины-I. – С. 190–192, Рис. 8.

⁴⁷ *Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю.* Салтово-маяцкие комплексы поселения Осовины-I. – Рис. 2–7.

⁴⁸ *Долгоруков В. С.* Исследования береговой части Фанагории в 1971–1972 гг. // КСИА. – М., 1975. – Вып. 143. – С. 56; *Кобылина М. М.* Раскопки центральной части Фанагории в 1959–1960 гг. // КСИА. – М., 1963. – Вып. 95. – С. 99. – Рис. 37, II; *Атавин А. Г.* Работы средневекового отряда в Фанагории // АО 1973 года. – М., 1974. – С. 107–108; *Атавин А. Г.* Средневековая Фанагория и ее место среди одновременных памятников Северного Причерноморья // Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма. /Сборник тезисов/. – М., 1988. – С. 22; *Богословская И. Н., Богословский О. В.* Исследование раннесредневековых слоев Таманского городища // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 годах. – Ейск, 1992. – С. 8; *Чхаидзе В. Н.* Хазарская Таматарха (Культурный слой Таманского городища VII–X вв.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2007. – С. 11.; *Чхаидзе В. Н.* Строительные комплексы VIII–X вв. Таманского городища // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы XII межд. науч. конф. (26–31 мая 2007 г.). – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 71, 119, Рис. 34; 39; 54; 55; 58; *Бабенчиков В. П.* Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень. – Рис. 2; *Фронджуло М. А.* Раскопки средневекового поселения на окраине с. Планерское 1957–1959 гг. – Рис. 2; *Романчук А. И., Омелькова Л. А.* Средневековое поселение на левом берегу реки Бельбек. – С. 94–97; *Баранов И. А.* Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи // Проблемы на прабългарската история и култура. – София, 1991. – № 2. – С. 49–50, Рис. 4; *Баранов И. А., Майко В. В.* Праболгарские горизонты Судакского городища середины VIII – первой половины X вв. // Българите в Северното Причерноморие. – В. Търново, 2000. – Т. 7. – Рис. 1; *Яшаева Т. Ю.* Раннесредневековое поселение в предместье Херсона на Гераклеийском полуострове // ХСб. – Севастополь, 1999. – Вып. 10. – С. 352, Рис. 2; 2а; *Кутайсов С. В.* Археологическая карта раннесредневековых памятников Северо-Западного Крыма // ХСб. – Севастополь, 2003. – Вып. 12. – С. 280.

⁴⁹ *Пономарев Л. Ю.* Жилища Восточного Крыма эпохи Хазарского каганата (по материалам раскопок салтово-маяцких поселений Керченского полуострова) // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2012. – Вып. 5. – С. 201.